
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ФИЛОСОФИИ ПРАВА П.И. НОВГОРОДЦЕВА

© 2018 г. Е. А. Фролова

Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 11.12.2017 г.

В статье рассматриваются теоретические вопросы понимания и назначения государства XIX — начала XX в. На примере философии права П.И. Новгородцева показывается процесс трансформации правового государства в социальное, раскрывается связь неокантианских воззрений автора с социологическими концепциями этого времени.

Ключевые слова: философия права, юриспруденция, правовое государство, социальное государство, право на достойное человеческое существование, П.И. Новгородцев.

DOI: 10.31857/S013207690000214-7

В постперестроечное время в отечественной правовой науке стали получать все большее признание вопросы правового государства, поиска границ деятельности государства, связанности государства правом. Эти проблемы — предмет глубоких теоретических размышлений и дискуссий в разные исторические времена, и в частности в русской дореволюционной науке. Тема правового государства ярко звучала в разных правовых концепциях, причем в качестве не только умозрительного правового идеала, но и реально достижимого механизма государственной власти. Отечественные правоведы не оставались в стороне от государственных и общественных дел. Многие из них принимали активное участие в политической деятельности и предлагали собственное решение установления границ государственной власти. Русская философия права рубежа XIX — XX вв. была представлена несколькими направлениями, среди которых немало оказалось представителей юриспруденции, стремившихся в той или иной степени соединить философию Канта с современными им направлениями политической и правовой мысли. Один из таких вариантов осмысления правового государства предложил известный философ права Павел Иванович Новгородцев. В его концепции тема государства связана с пониманием нового этапа в развитии естественного права и философией права в целом.

Основополагающий вопрос философии права — должна ли нравственность быть субъективной (Б.Н. Чичерин) или социальной (В.С. Соловьев) — чрезвычайно волновал и П.И. Новгородцева, который считал необходимым дополнить философию Канта социальной этикой. Это положение влияло и на понимание назначения и задач государства на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, обращение неокантианцев к проблемам правового государства определялось самой методологией неокантианства — необходимостью обосновать априорный характер права, доказать, что принципы права (свобода, равенство, самостоятельность, как их понимал Кант) исходят из чистого разума.

Согласно философии П.И. Новгородцева право в отличие от нравственности должно быть полностью рационализированным (формальным). В то же время граница между правом и нравственностью может меняться: юридические требования, проникая в сознание, становятся моральными предписаниями, нормы морали, поддержанные государственной санкцией, получают правовой характер. Поэтому право, по Новгородцеву, — не просто “минимум морали” (В.С. Соловьев), а есть принудительный минимум *социальных* требований.

На рубеже XIX–XX вв. все явственнее ощущалась необходимость существенного ограничения эгоизма частнопредпринимательского капитализма, обеспечения хотя бы минимальных материальных гарантий неимущих и малоимущих классов, социализации гражданского общества. Классический либерализм XIX в., переживая кризис, оттеснялся концепциями, более соответствующими новой эпохе. Учения неокантианцев по программной и творческой части не выходили за пределы буржуазной политико-правовой идеологии, не требовали низвержения развивающегося капитализма и замены его другим общественным строем, однако они отличались от классических либеральных политико-правовых доктрин XIX в. Одно из главных их отличий заключалось в обосновании “права на достойное человеческое существование”.

Идея такого права принадлежала В.С. Соловьеву¹, которая была воспринята и преобразована П.И. Новгородцевым и другими правововедами с позиции требований юриспруденции. Провозглашение и юридическое очертание права на достойное человеческое существование в его учении явились примером воплощения постоянной идеи естественного права с изменяющимся содержанием в общественной действительности начала XX в. Обладая нравственной природой, это право, считал Новгородцев, должно иметь юридическое значение: “На наших глазах совершается один из тех обычных переходов нравственного сознания в правовое, которыми отмечено прогрессивное развитие права”. Декларирование этого права, оценочного по существу, а потому практически трудно регулируемого, не предполагает, по мысли государствоведа, со-

здания какого-либо нового общественного идеала, а только отрицает те условия жизни человека, которые совершенно исключают возможность достойного существования личности. Право на достойное человеческое существование позволит каждому члену общества иметь гарантированный государством уровень такого (достойного) существования, освободит человека от гнета условий жизни, которые его убивают физически и нравственно². Подобная забота относится прежде всего к экономически слабым лицам (речь шла об экономической зависимости от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств и др.).

Классический либерализм выступал за обеспечение только формальной свободы, полагая, что экономическая поддержка нуждающимся не может быть задачей права: “Этому требованию может удовлетворить уже не право, а иное начало — любовь. Тут приходится уже не охранять свободу, а восполнять недостаток средств. Это делается прежде всего частной благотворительностью; там же, где последняя оказывается недостаточной, на помощь приходит государство со своею администрацией. Но в обоих случаях человеколюбие является не нарушением, а восполнением права. Право одно для всех; человеколюбие же имеет в виду только известную часть общества, нуждающуюся в помощи”³.

¹ В русской литературе впервые термин “право на достойное человеческое существование” употреблен В.С. Соловьевым в работе “Оправдание добра”. Объектом этого права В.С. Соловьев считал требование для каждого человека иметь не только обеспеченные средства к существованию (т.е. одежду и жилище) и достаточный физический отдых, но также возможность пользования и досугом для своего духовного совершенствования.

“Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний нравственный мир человека... и, вместе с тем, как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей” (см.: *Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия*: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 533 и др.).

² См.: *Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование* // *Русская философия собственности XVIII–XX*. СПб., 1993. С. 185, 186. Эта статья критически оценивалась в работе Б.А. Кистяковского “Социальные науки и право” (1916), который указывал, что интерес статьи Новгородцева “заключается в указании на ряд законодательных попыток или осуществленных мероприятий, проникнутых стремлением превратить это право в составную часть действующего правопорядка. Напротив, в своем теоретическом анализе этого права автор не вскрыл его подлинной юридической сущности; он только в общих чертах отметил, что оно принадлежит к категории прав человека и гражданина, но не выяснил его функцию в системе субъективных публичных прав”. Более обстоятельным трудом на эту тему Кистяковский признавал очерк И.А. Покровского “Право на существование” (см.: *Свобода и культура*. 1906. № 4). См. также: *Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерк по методологии социальных наук и общей теории права*. М., 1916 // *Философия и социология права*. СПб., 1998. С. 342, 343).

³ *Чичерин Б.Н. Собственность и государство*. Ч. 1. СПб., 2005. С. 267. Интересно сопоставить эти идеи с положением гегелевской философии права: “Цель полицейского надзора и опеки — предоставить индивиду всеобщую

Новгородцев различал формальное и фактическое обеспечение свободы правом: несмотря на то что целью права признается охрана свободы, пользование этой свободой может быть совершенно парализовано недостатком средств⁴. Поэтому, рассуждал ученый, несмотря на то что задачей и сущностью права является охрана личной свободы, не менее значима возможность осуществления этой задачи — забота о материальных условиях свободы: “Без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически”. Таким образом, Новгородцев выступал за правовое обеспечение материальных условий жизни индивидов в качестве самостоятельной задачи права: “Именно во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование”⁵.

Обоснование такого права потребовало критического переосмысления ряда положений классического либерализма XIX в. В теоретическом плане понятие права на достойное человеческое существование охватывало идеи естественного права, нормы положительного права, содержание идеалов. В практическом контексте было очевидно, что реализация данного принципа возможна только в рамках развитого гражданского общества, сущность и цель которого составляет материально и духовно свободная личность, личность “самодостаточная”, “самоценная”, воля которой автономна как по отношению к другим членам общества, так и в отношении к

воле государства. Этот теоретический посыл требовал изменения и отдельных положений кантианской философии, которой симпатизировал Новгородцев. В новых условиях необходимо было обратиться, как отмечалось, к более детальной разработке проблем социальной этики и признанию положительных функций государства. В этой связи подход русского юриста к пониманию права на достойное человеческое существование можно считать не только разработкой идей правового государства (Кант, Чичерин), но и раскрытием нового этапа понятия этого государства — социального государства.

Правовое равенство согласно этой теории не предполагает фактического уравнивания всех людей, здесь речь идет об уравнивании возможностей для развития личности в духе либеральной концепции Локка в обрамлении требований социал-демократии, т.е. отрицании таких условий, которые исключали бы возможность достойного человеческого существования. В последней трети XIX в. начал складываться новый тип либерализма — неолиберализм, или “социальный” либерализм (Дж. Хобсон, Т. Грин, Л. Хобхауз). Для этой идеологии характерными чертами явились ориентация на социальный реформизм, стремление примирить равенство и свободу, резко противопоставленные идеологией *laissez-faire*, акцент на социальную этику и специфическое общественное благо, не сводимое к бентамовскому “количеству счастливых”. Все эти положения порождали уверенность, что либеральный идеал свободы человека не только не отрицает, но, наоборот, предполагает меры по защите индивида от обстоятельств, противодействовать которым он бессилен. Именно этот “социальный” либерализм явился важнейшим фактором превращения государства — “ночного сторожа” в социально-правовое государство XX в.

Бурное экономическое развитие XIX в. показало необходимость материальных гарантий формально признанных прав и свобод и социальной помощи нуждающимся. Общество еще не имело систем социальной помощи, рабочего законодательства, массовых и влиятельных организаций рабочего класса, способных отстаивать свои интересы перед собственником и государством, бороться за нормальные условия труда и быта, заработную плату. Очевидно, что потребности и интересы человека индиви-

наличную возможность для достижения индивидуальных целей” (§ 236). “Для бедных место семьи занимает всеобщая власть, помогая им в непосредственной нужде и борясь с их нежеланием работать...” (§ 241). “Это та область, где при всеобщих установлениях остается место для моральности... Случайность милостыни благотворительных учреждений... дополняется общественными домами призрения, больницами, освещением улиц и т.д. Состояние общества следует признать тем совершеннее, чем меньше индивиду приходится делать для себя, согласно своему особенному мнению по сравнению с тем, что выполняется путем всеобщих мероприятий” (§ 242) (см.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 267, 269, 270).

⁴ См.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 186.

⁵ Там же. С. 186, 187.

дуальны, разнообразны, субъективны, определить точно, где начинается образ жизни, достойный человека, сложно; вместе с тем несомненно, что в каждом обществе есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. “Можно спорить о восьми- или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бессовестная эксплуатация. Право берет на себя определение известных условных норм”⁶.

С позиции П.И. Новгородцева, юридическое закрепление права на достойное человеческое существование имеет и нравственное значение — признание принципа личности для каждого человека: “Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и беззащитных — это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон”⁷. Новгородцев, как отмечалось, полемизировал с Чичериным, в духе Гегеля считавшим, что помощь нуждающимся — дело частной благотворительности, а не положительного права, и обосновывал этико-юридическую защиту прав экономически слабой личности. С точки зрения Б.Н. Чичерина, этот процесс есть *восполнение* права, поэтому фабричное законодательство, по его мнению, следует признать нарушением справедливости⁸. П.И. Новгородцев занимал принципиально иную позицию: должна быть осуществлена юридизация данного принципа. Для того чтобы принцип права на достойное человеческое существование не остался только лишь нравственным пожеланием, необходимо, рассуждал правовед, чтобы из него вытекали конкретные юридические следствия.

Первое юридическое следствие — право на труд и законодательство о рабочих. Право на труд, выраженное в ряде проектов, нашло отражение во французской Декларации от 24 июня 1793 г. (ст. 21) и Декларации 1848 г.⁹

Однако эти статьи имели значение скорее нравственного положения, чем юридического принципа¹⁰. В начале XX в. в России право на труд признавалось одним из программных положений ряда политических партий¹¹. Законодательство о рабочих предполагало общую охрану интересов трудящихся (главное — гарантии от безработицы), например путем регулирования санитарных условий труда и т.д., признание за каждым трудящимся субъективных прав, вытекающих из общего понятия о правах человеческой личности: право на материальное обеспечение на случай болезни, неспособности к труду, старости.

Вторым юридически значимым следствием, вытекающим из признания права на достойное человеческое существование, являлась организация профессиональных союзов. Состоянию личной экономической беспомощности необходимо было противопоставить союз лиц, сближенных общим положением, и при помощи взаимной поддержки укрепить друг в друге чувство солидарности и сознание своей свободы. Французская революция не только не осуществила этого права, но и формально отрицательно относилась к профсоюзам и ассоциациям рабочих вообще¹². Причиной этого, по мнению Новгородцева, являлась глубокая антипатия к “уродливым формам средневековой корпоративной жизни, построенным на узком начале цеховой замкнутости и исключительности”¹³.

Третье юридическое следствие, вытекающее из признания права на достойное человеческое

С. 332). Конституция 1848 г. содержит близкую по содержанию статью (ст. 8): “Республика должна посредством братской помощи обеспечить существование нуждающихся граждан, или доставляя им работу по мере своих средств, или оказывая при отсутствии семьи помощь тем, кто не в состоянии работать” (см.: там же. С. 447).

¹⁰ См.: Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование. С. 180.

¹¹ “Правосознание нашего времени выше права собственности ставит право человеческой личности и во имя свободы устраняет идею неотчуждаемой собственности, заменяя ее принципом публично-правового регулирования приобретенных с необходимым вознаграждением их обладателей в случае отчуждения” (см.: там же. С. 189).

¹² См.: Закон относительно собраний рабочих и ремесленников одного и того же состояния и одной и той же профессии (Закон Ле-Шапелье) от 14-17 июня 1791 г. // Конституционные законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX. С. 242–244.

¹³ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 189.

⁶ См.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 187.

⁷ См.: Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 188.

⁸ См.: Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 66–71, 548–550.

⁹ См.: Проекты Толгоро, Дюфура, Варле, Робеспьера. Статья 21 Декларации прав человека и гражданина от 24 июня 1793 г. гласит: “Общественное призвание есть священный долг. Общество обязано оказывать поддержку несчастным гражданам, либо предоставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать” (см.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX. М., 1957.

существование, — обязательное общественное и государственное призрение беспомощных лиц и не способных к труду. Эта забота должна, по мысли Новгородцева, приобрести юридический характер, встать под охрану права.

Формирование концепции неолиберализма потребовало переоценки ряда постулатов либеральной идеологии, в том числе вопроса соотношения свободы и равенства. Именно поэтому в работах начала XX в. Новгородцев уделял этой проблеме повышенное внимание. Он замечал, что период Французской революции характеризовался рациональным определением личности: в XVIII в. общечеловеческой сущностью признавалось общее и отвлеченное начало — *jus naturale*. Это понятие явилось родовым определением личности. Такое представление о личности разработано Кантом в “Метафизике нравов”, согласно которому свобода личности проявляется в автономии воли, а равенство есть необходимое условие проявления воли индивида. Применительно к обществу получалось, что свобода есть “независимость от чужой воли”, а равенство — “принцип взаимных обязательств”. Исходя из этих определений, политический идеал XVIII–XIX вв. — теорию народного суверенитета было легко обосновать: коль скоро общая воля устанавливает законы свободы в государстве, она “разумно необходима”. Так виделось значение свободы как всеобщего и регулятивного принципа, в соответствии с которым частные воли должны были соотноситься с общей волей. Из этого положения следовало, что законы разума — общая воля выше свободы частных волей. Таким образом, теории индивидуализма XVIII в. свято верили в возможность гармонии личных и общественных отношений.

Разрабатывая проблемы государства, Новгородцев тщательным образом исследовал политико-правовую идеологию: и работы тех, кто избрал началом своих воззрений свободу (Констан, Смит, Бентам, Кант), и теоретиков государства и права, склонившихся к государственному образу мыслей (Руссо, Гегель, Фейербах, Маркс, Лассаль). По мнению отечественного мыслителя, единственным теоретическим выходом разрешения антиномии личность — государство явилось выявление границ деятельности государства¹⁴. Теория правового государства, по-

лагал русский правовед, опирается на две теории: теорию народного суверенитета и теорию индивидуализма, которые в начале XX в. находились в кризисном состоянии. Кризис теории народного суверенитета выразился в разочаровании политической демократии, кризис индивидуализма — в борьбе за позитивные функции государства, за социальную интерпретацию демократии. Результатом первого процесса была нарастающая критика государства, а второй вызвал тенденцию к расширению правительственного контроля над социальной жизнью. Тем не менее А. Валицкий справедливо подчеркивал, что Новгородцев, критикуя идею народного суверенитета, стремился все же ее сохранить в качестве регулятивной идеи, противопоставляя позитивистским концепциям абсолютной власти любого государства¹⁵. Главная мысль Новгородцева — обоснование идеи личности, суть которой сводится к признанию естественных прав человека и обоснованию новых, социальных прав, в том числе права на достойное человеческое существование. Поэтому он выступал против насильственного уравнивания индивидуальности и самобытности личности, показав возможные стеснения личной свободы со стороны государства (Констан, Гумбольдт) и со стороны общества (Токвиль, Милль). Таким образом, проблема поиска границ деятельности государства соединяется с личностным, кантианским началом философии Новгородцева.

В этой связи можно заметить, что юристы — сторонники кантианской философии защищали идею правового государства. Она, по их мнению, обосновывает ценность человеческой лич-

и его понимание политической свободы личности. Констан призывал к обеспечению личной независимости граждан, для чего необходимым признавались политические средства: представительный строй, разделение властей, общественное мнение и др. Токвиль с мыслью, что демократия более стремится к равенству, чем к свободе, выступал за ограничение государственной власти и укрепление личной свободы. И Констан, и Токвиль признавали возможным стеснение личной свободы со стороны государства. Политический идеал для Гумбольдта так же, как и для Констан, определялся “в зависимости от индивидуальной основы личности”, т.е. от ее оригинальности (“своеобразия силы и образования”). Анализ этих учений см.: *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 186–195.

¹⁴ В политических учениях либерализма XIX в. эту границу Новгородцев видел следующим образом: Б. Констан критиковал революционную доктрину Ж.-Ж. Руссо

¹⁵ См.: *Валицкий А.* Философия русского либерализма / пер. с англ.; под науч. ред. С.Л. Чижова. М., 2012. С. 398.

ности: индивидуальность не должна и не может исчезнуть, ее нельзя заглушить никаким уравниванием. Что касается процесса развития индивидуальности, то это, рассуждали философы права, прежде всего вопросы культуры и сознания людей. Достояние и цель человека с позиции критической философии — быть самим собою, стремиться к неравенству, превзойти других и себя. Поэтому в развитых обществах разнообразие есть качественное сочетание различий: развитие общества приводит к большей дифференциации общественных связей, появляется больше возможностей для проявления личности, следовательно, человек более свободен, а значит, индивидуален и самобытен. Вместе с тем очевидно, что с возрастающими темпами взаимозависимости членов общества человеку все труднее проявить себя в качестве независимой личности. Понимание этого обстоятельства, по оценкам Новгородцева, и обусловило на рубеже XIX–XX вв. кризис теории индивидуализма.

Другая сторона требований личности — равенство также находилось в это время в состоянии становления. С конца XVIII в. и на протяжении XIX в. равенство понималось главным образом как равенство перед законом. В этой связи уместно вспомнить положения философии Локка, считавшего, что должен быть один, равный для всех людей закон — закон для богатого и бедного, для фаворита при дворе и крестьянина за плугом. Закон предоставлял всем лицам равенство в проявлении своей свободы, уравнивая их в признании этой свободы и уничтожая все ограничения, противоречащие равенству прав. Это требование заключалось в Декларации прав человека и гражданина и положениях Конституции 1791 г. Вместе с тем существовал и другой подход к требованию равенства — понятие материального уравнивания лиц. Наиболее ярко он проявился в учении Бабёфа и его последователей — бабувистов, которые требовали безусловного равенства индивидов: снести все до основания, лишь бы остаться при одном равенстве. Идеологию и практику бабувизма кантианцы подвергали жесткой критике, поскольку он противоречил принципу личности, — “это заговор против человеческой природы”¹⁶. Для Новгородцева идеа-

лом, реализуемым на практике, стала идеология неолиберализма. Он с одобрением пишет о свойственной для этой идеологии свободе в положительном смысле. На государство согласно этому подходу возлагались уже не только задачи по обеспечению внешней охраны и правопорядка (правовое государство), но и положительные требования, конкретные действия для помощи нуждающимся лицам; государство (с этих позиций) обеспечивает всеобщее образование, здравоохранение, устанавливает предел продолжительности рабочего дня и т.п.

Как отмечалось, классический либерализм (конец XVIII — начало XIX в.) выступал только за частный интерес и государственное невмешательство. Его задача, по замечанию Новгородцева, заключалась в том, чтобы “создать новые формы жизни, способные ограждать личность от произвола и деспотизма, от стеснительной опеки, от старых неравенств. Правовое государство явилось разрешением этой задачи. Но по своему содержанию это была задача отрицательная. Сбросить старые цепи еще не значит создать новую жизнь. Это не значит также предохранить личность от новых цепей, которые могут быть наложены на нее ходом событий”¹⁷. К концу XIX в. эта идеология требует от государства не только устранения юридических препятствий к осуществлению свободы, но и материальных возможностей для проявления индивидуальности личности. Этот либерализм считает необходимой функцией государства помощь нуждающимся, чтобы улучшить условия социальной и промышленной жизни для тех, кто сам не может обеспечить для себя лучшие условия. С этих позиций изменилось и отношение теоретиков к правовому государству: “Европейские общества несколько не перестали ценить благ правового государства, но они требуют теперь большего. Не назад, а вперед обращены взоры творцов, и то, что

(см.: *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. С. 199).

¹⁷ *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. Кризис современного правосознания. С. 186. “Само собою разумеется, что и сторонники старого либерализма не отрицали, что есть люди, изнемогающие в жизненной борьбе и неспособные выбиться из тяжелых условий. Но они не считали возможным, чтобы государство вмешивалось в жизнь, которая в своем свободном развитии сама находит средства исправлять общественные бедствия” (см.: там же. С. 209).

¹⁶ Новгородцев ссылался на Манифест равных Г. Бабёфа в издании: *Бабёф. Учение равных.* СПб., (б.м.г.) С. 75

открывается как идеал для будущего, есть новый и высший шаг в развитии правосознания”¹⁸. Поэтому правовое государство уже не рассматривается как «венiec истории», как «последний идеал нравственной жизни», оно есть не более чем подчиненное средство, входящее как частный элемент в более общий состав нравственных сил»¹⁹.

Разделяя идеи правового и социального государства, сторонники неокантианской философии выступили против ряда социологических доктрин, притязавших на аналогичные идеалы. Многие правоведы конца XIX — начала XX в. утверждали, что в основе правового государства лежит идея социального мира и солидарности всех групп, классов, союзов и что практическое воплощение этой задачи реализуется в зависимости от конкретных условий. В начале XX в. для распространения идей солидарности в отечественном правоведении большое значение имели труды французского юриста Л. Дюги, многие из которых были переведены на русский язык и неоднократно переиздавались²⁰.

Идея общественной солидарности имела разные аспекты. С одной стороны, она увязывалась с проектами социальных, политических и иных реформ, направленных на улучшение положения наемных рабочих и других общественных слоев, страдавших от эгоизма буржуазного общества. В этом плане идея «солидарности» по тенденции во многом предвосхищала концепцию социального государства. С другой стороны, «реформистская» направленность солидарности отчетливо противопоставлялась идеям классовой борьбы, что особенно четко было выражено в работах Л. Дюги, призывавшего к «классовому миру», к отказу «от господства как пролетарского класса, так и буржуазного»²¹.

Отечественные представители критической философии сочувственно относились к идеям солидаризма на доктринальном уровне (концепция противостояла марксизму) и во многом разделяли практическую деятельность социал-реформистских движений начала XX в. Отзвуки революции 1905 — 1907 гг. заметны во многих их трудах, как и полемика с программами и лозунгами революционных партий России, отвергавших путь нравственного прогресса и возможность либеральных реформ.

Вместе с тем в некоторых работах представителей русского неокантианства идея солидарности приобретает другое значение по сравнению с подходами французских и русских социологов. Если социолог Э. Дюркгейм основой солидарности считал разделение труда между «профессиональными группами» в процессе производства²², государствовед Л. Дюги, конкретизируя понятие «профессиональных групп», прямо писал о «социальных функциях» и, соответственно, солидарности капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих²³, то представители неокантианской философии стремились возвысить социально-правовой идеал над современными проблемами, вообще освободиться от классового подхода к обществу, государству, праву, настойчиво доказывая при этом, что цель государства и правовых основ имеет общечеловеческий характер. Основой государства и права, с их точки зрения, является не норма солидарности классов (Дюги), а идеальная общенародная, сверхклассовая цель, состоящая в признании (как основы своего бытия) естественных прав лиц, права свободы²⁴.

Эта позиция, созвучная духу учения Канта, соединенная с гегелевской идеей свободы, давала возможность соединить понятие солидарности индивидов с понятием прав и свобод личности в категории общественного идеала и соответствующего ему естественно-

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908; *Его же*. Право социальное, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909; *Его же*. Общие преобразования гражданского права со времен кодекса Наполеона. М., 1919.

²¹ «Каждый человек, каждая группа людей, будь то верховный диктатор страны или самый скромный подданный, будь то правительство или всемогущий парламент или скромное сообщество, должны выполнять известную задачу в той обширной мастерской, которой является общественный организм. Эта функция определяется тем

положением, которое фактически человек или группа занимают в коллективе» (см.: Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. С. 22).

²² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

²³ См.: Дюги Л. Право социальное, индивидуальное право и преобразование государства. С. 32.

²⁴ См.: Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 212–221; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 365, 366.

го права. Всему духу критической философии претили встречавшиеся в произведениях представителей социологии суждения, подобные рассуждению Дюги: “Мы обладаем весьма ясным сознанием того, что индивид — не цель, а только средство, что индивид есть не более как колесо той огромной машины, какой является социальный организм, что смысл существования каждого из нас заключается только в выполнении известной работы в деле социального строительства”²⁵. Для представителей неокантианства было очевидно, что при таком подходе уничтожается гуманистический смысл философии права. В то же время в отечественном правоведении неокантианской ориентации не было внятных объяснений, как конкретно можно добиваться “солидарности” индивидов, разобщенных по классам и социальным группам в реальной действительности. Л. Дюги, до него — О. Конт, Г. Спенсер достижение солидарности классов и индивидов видели в нарастающем процессе взаимных уступок предпринимателей и наемных рабочих, в достижении компромиссов в результате решения повседневных конфликтов, в какой-то мере — в реформаторской деятельности государства. Отечественные правоведы-неокантианцы признавали и этот путь, однако, стремясь уйти от проблемы классовых конфликтов, большее внимание придавали нравственному воспитанию и совершенствованию личности²⁶.

П.И. Новгородцев, С.И. Гессен и ряд других государствоведов придавали большое значение синдикалистской идее. Вместе с тем Новгородцева очень тревожила сама возможность превращения профессионального феодализма “в партикуляризм частных стремлений, в преобладание частных интересов над общечеловеческими правами”: “От профессионального синдикализма, осуществленного в связи с идеей общего единства, ожидают

примирения труда и капитала, наступления социального мира и превращения государства централизованного и властного в государство свободное и самоуправляющееся. Однако при всех этих ожиданиях и надеждах и сейчас уже слышатся охлаждающие голоса, которые, признавая огромное значение синдикалистской идеи для ближайшего будущего, видят и ее естественные пределы, и возможность ее извращений”²⁷. Новгородцев предсказывал, что через столетие профсоюзы подчинят общий интерес своему частному интересу, и тогда совершится новая революция, чтобы низвергнуть синдикализм так же, как были низвергнуты феодализм, теократия, корпорация и монархия.

Представляется, что идея “классовой солидарности”, основанная на сотрудничестве классов, объединенных в профсоюзы, потому и не была до конца воспринята неокантианской философией права, что ее требования направлены на решение только ближайших задач своего времени. Идея “классовой солидарности”, бывшая серьезным идеологическим ориентиром ряда теоретиков-государствоведов начала XX в., в неокантианских теориях фактически превращается в идею “общечеловеческого братства”, по существу заключающую романтическую триаду эпохи Просвещения: “свобода, равенство и братство”. Эта идея заслуживает упрека в “морализаторстве”, однако трудно не заметить, что в основе данных рассуждений лежали вполне реальные наблюдения и опасения: не свойственны ли каждому институту стремление к бюрократизации, ведомственному эгоизму, косности и застою? И сословный, и цеховой строй в период их возникновения и становления выражали жизненные потребности общества (разделение труда, совершенствование ремесла и торговли и т.п.), затем же, закоснев и воздав себе привилегии, те же структуры стали существенным тормозом общественного развития, вызвавшим ряд революционных взрывов. Беспокойство вызывало именно то, что человечество еще не выработало достаточно динамичной и гибкой системы учета интересов различных и отдельных социальных групп и классов, защищенной от этой опасности.

На примере концепции П.И. Новгородцева можно отметить, что в теоретическом плане различие философии неокантианства и социологических исследований в области права и

²⁵ Дюги Л. Право социальное, индивидуальное право и преобразование государства. С. 52. П.И. Новгородцев не раз упоминал эту работу Дюги (см.: *Новгородцев П.И. Об общественном идеале*. С. 464, 607) в связи с критической оценкой синдикализма.

²⁶ Как ни парадоксально, но в конечном счете к тому же средству обратилось и большинство социологов. Основатель социологии О. Конт был, как известно, сторонником и создателем “позитивистской религии”. Э. Дюркгейм предлагал дополнить Декларацию прав “Декларацией обязанностей”, моральных по существу.

²⁷ *Новгородцев П.И. Об общественном идеале*. С. 464.

государства проявилось в неодинаковой оценке личности. Что же касается практики, то применительно к рубежу XIX – XX вв. доктрины социологов оказались более гибкими, внятыми, реально достижимыми в условиях становления гражданского общества и, как следствие, более востребованными. В то же время и неокантианцы, провозглашая ценность личности в качестве абсолютного идеала, в той или иной степени признавали необходимость дополнения своих идеальных требований относительным идеалом, который поставил бы личность в конкретные исторические условия социального и правового государства начала XX в.²⁸

В целом можно сделать вывод, что тема социального и правового государства, вызвав полемические споры в научной среде, все же послужила сближению неокантианской и социологической правовой мысли. Признав идеологию социал-реформизма практически необходимой, неокантианцы вынуждены были принять и социологическую идеологию. Однако, несмотря на то что представители критической философии, решая вопросы соотношения личности, общества, права, государства, уже, по сути, становились социологами, на методологическом уровне различия между неокантианской философией права и социологией права сохранялись.

²⁸ Об особенностях синтеза неокантианской и социолого-позитивистской методологии см.: Жуков В.Н. Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 14–24.

THE IDEA OF SOCIAL AND LEGAL STATE IN THE PHILOSOPHY OF LAW P.I. NOVGORODTSEV

© 2018 E. A. Frolova

Faculty of Law at Lomonosov Moscow state University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 11.12.2017

The article deals with theoretical issues of understanding and designation of the state of the XIX – early XX century. On the example of the Philosophy of Law Novgorodtsev shows the process of transforming the legal state into a social state, revealing the connection of the author's neo-Kantian views with the sociological concepts of this time.

Key words: Philosophy of Law, jurisprudence, Rule of Law, social state, right to a decent human existence, Novgorodtsev.